

УДК 821.161.1
DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-316-339

**«Дорогой Патриот Патриотович», «Стекольщик»,
«Голубчик брат»:
Б. Г. Пантелеймонов и его литературные учителя**

Е. М. Трубилова

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Москва, Россия*

Аннотация

Рассматривается жизненный и творческий путь Б. Г. Пантелеймонова (1888–1950) – писателя с уникальной биографией, более известного как ученый-химик, его триумфальное вхождение в литературу в последние четыре года жизни. В центре внимания профессиональные советы Пантелеймонову от писателей-«антагонистов»: А. М. Ремизова, с одной стороны, И. А. Бунина и Н. А. Тэффи, с другой, ставших его близкими друзьями и наставниками в литературном мастерстве. При этом подчеркивается своеобразие собственного писательского дарования Пантелеймонова – умение увидеть и отразить мир «молодыми глазами», мягкий юмор, органическая связь с природой. Приводятся восторженные отклики и воспоминания о Пантелеймонове ведущих критиков эмиграции, цитируются материалы из Бахметевского архива (США), письма Ремизова, Бунина, Тэффи.

Ключевые слова

Б. Г. Пантелеймонов, А. М. Ремизов, И. А. Бунин, Н. А. Тэффи, «Русский Сборник», автобиографичность, фантазия, самоирония, Сибирь

Для цитирования

Трубилова Е. М. «Дорогой Патриот Патриотович», «Стекольщик», «Голубчик брат»: Б. Г. Пантелеймонов и его литературные учителя // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 316–339. DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-316-339

**“Dear Patriot Patriotovich”, “Glazier”, “Darling Brother”:
B. G. Panteleymonov and His Literary Teachers**

E. M. Trubilova

*A. M. Gorky Institute of World Literature RAS
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The author describes the life and creative path of B.G. Panteleymonov (1888–1950) – a writer with a unique biography, famous as a scientist-chemist, as well as his triumphant entry into literature in the last four years of his life. The focus of description is on professional advice

© Е. М. Трубилова, 2020

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 2

to Panteleymonov from the “antagonist” writers who became his close friends and mentors in literary skill: A. M. Remizov, on the one hand, I. A. Bunin and N. A. Teffi, on the other. At the same time, the originality of Panteleymonov’s own writing talent is emphasized: his ability to see and reflect the world with his “young eyes”, soft humor, organic connection with nature. Enthusiastic responses and recollections about Panteleymonov made by the leading critics of the emigration are given; materials from the Bakhmetev archive (USA), letters from Remizov, Bunin, Teffi are cited.

Keywords

B. G. Panteleymonov, A. M. Remizov, I. A. Bunin, N. A. Teffi, “Russian Collection”, autobiography, fantasy, self-irony, Siberia, patriotism

For citation

Trubilova E. M. “Dear Patriot Patriotovich”, “Glazier”, “Darling Brother”: B. G. Panteleymonov and His Literary Teachers. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 2, p. 316–339. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-316-339

Много лет назад в нью-йоркском архиве Тэффи в библиотеке Колумбийского университета (Бахметевский архив) среди рукописей в папке с неустановленным авторством мне попало несколько скрепленных машинописных листков. В левом верхнем углу первого стояла дата «24 сентября 1949 г.», в правом – адресат: «№ 1. Н. А. Тэффи. Секретно». Короткий текст содержал развернутый «ответ» на вопрос длинного заголовка «Что думает молодой писатель, когда ему не спится?»:

А дьявол его знает, о чем он думает. Вот разве о себе сказать, я тоже молодой писатель, – со мной случай был, это действительно любопытно... Сна нет, лежу в зоркости, очи в темноту, дыханье затаил. Чудится – порхают тени. Сначала совсем неопределенное. Какая-то девственница – малиновые губки, розовый налив – стих поет, грудками взгрывает, зрак долу. За ней определенное, узнать можно: хмурый, туфли с помпонами, оскал страшный, дых мороженный, самому Богу норовит соврать, пугает двенадцатым часом. С ним комариная барыня, хоботок проволочный, очи пленкою, юбка кой-как. Догадываюсь: ряженные, писатели. За теньями пошли и живые. Маленький, брови клочьями, душа краем держится. Под очками сразу губы, двиг их явственный: слова собственные, стопроцентные. Хватка, повадка – невиданно! И так ловко клубок разворачивает, петли мечет то ширше, то уже – завидно. Этот – речь важная, в бобрах – большой барин. Смотрю, как точно он ногой выкамаривает – язвы тебя, мне бы так! А вот жемчужина, плат расписной – ох, хитры этой девицы плутни... Пляс, плач, хохот – веселятся ряженные души, ладошки навыворот, глаза вразнос, ноготками скребутся, ямки роем друг другу. Думаю однако: царь Давид, что за сласть всю жизнь в табуне плясать? Трудна эта радость, а мне даже и обидно. Сознаю – талану нет. Как ни скажешь – вкось хватил... Голова дурная, чего я к табуну пристал? Жил-жил и будто с лестницы сорвался <...>¹

Вместо подписи в конце рукописи стоял криптоним «Б. П.».

За инициалами приставшего к литературному «табуну» «молодого писателя» угадывался 60-летний Борис Пантелеймонов. Персонажи этой витиеватой шутки наводили на мысль о реальных прототипах. «Маленький, брови клочьями», «ба-

¹ Бахметевский архив русской и восточноевропейской культуры (Колумбийский университет, Нью-Йорк). Фонд Тэффи.

рин» с «важной речью», «жемчужина, плат расписной» – кто эти трое, вызывавшие восторженную зависть «молодого писателя»?

Но прежде о нем самом.

Борис Григорьевич Пантелеймонов (1888–1950). Сегодня, к сожалению, имя этого писателя до обидного мало известно. В советское время вышел единственный сборник его рассказов «Приключения дяди Володи», подготовленный Ст. Никоненко [Пантелеймонов, 1992]. В 2014 г. энтузиасты-омичи порадовали замечательным трехтомником, в который, кроме художественных произведений Пантелеймонова, вошли его публицистика, переписка, воспоминания и статьи о нем [Пантелеймонов, 2013–2014]². И это – всё, не считая единичных журнальных публикаций. А ведь в 1947 г. рецензент нью-йоркского «Нового русского слова» утверждал: «Наряду с Шолоховым и Зощенко он <Пантелеймонов> сейчас самый яркий русский писатель» [Мазурова, 1947, с. 8]. Причина малой популярности чудесного прозаика прежде всего в том, что его «литературной жизни» было всего четыре года. Последние четыре года перед кончиной, за которые он успел выпустить четыре книги. Все четыре – в Париже, в издательстве «Подорожник»: «Зеленый шум» (1947), «Приключения дяди Володи: два рассказа» («Святой Владимир» и «На Муромке») (1947), «Звериный знак» (1948) и «Золотое число», которую составили повести «Менделеев», «В Зыри белоглазой» и «Маклаево братство» (1949). «Последняя книга» (названная именно так) была издана в Нью-Йорке издательством им. Чехова уже после его смерти, в 1952 г.

Книги Б. Г. Пантелеймонова, вышедшие при его жизни в издательстве «Подорожник» (Париж): «Зеленый шум», «Дядя Володя» (обе 1947), «Звериный знак» (1948), «Золотое число» (1949). «Последняя книга» вышла в Нью-Йорке в издательстве им. Чехова в 1952 г., через два года после смерти автора

Books by B. G. Panteleymonov published during his lifetime in the Paris publishing house “Plantain” (Paris): “Green noise”, “Uncle Volodya” (both 1947), “Animal sign” (1948), “Golden number” (1949). “The last book” was published in New York by Chekhov publishing house in 1952, two years after the author’s death

² В дальнейшем ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием номера тома и страниц.

За отпущенные ему 62 года Борис Григорьевич Пантелеймонов прожил будто несколько длинных жизней, меняя города и страны, политические пристрастия и жён (их было четыре), чередуя и совмещая профессии и увлечения.

При своей английской внешности это была самая безудержная русская натура. Если пить, так уж до бесчувствия, полюбить – так уж жениться, потому что и любил всегда с разбегом на вечность. Наука, химия, открытия – и это все было пламенно, в каком-то поэтическом восторге [Тэффи, 2004, с. 331].

Парадоксальным образом разнонаправленные порывы нисколько не противоречили цельности его образа. Даже люди, стоявшие на позициях, диаметральных от его политических позиций, отзывались о Пантелеймонове с огромной симпатией как о человеке необыкновенно искренней, открытой души. Леонид Галич вспоминал: «Я встретил в моей длинной и пестрой жизни только двух людей, у которых совсем не было врагов: выдуманного Алешу Карамазова и лучившегося жизнью и жизнерадостностью Пантелеймонова» (т. 3, с. 329).

Казалось, в этом сибиряке с внешностью английского лорда всего было через край. Причем многократно повторенное из уст современников впечатление – сибиряк-англичанин – отнюдь не оксюморон. Пантелеймонов действительно был уроженцем сибирского села Муромцево Тарского уезда Тобольской губернии. И в нем в самом деле текла английская кровь. Прадед его по линии отца был англичанином. Во всяком случае так утверждала семейная легенда.

Дедушку звали Дигби, и только потом по-православному стал он Данила. По имени видно – сначала он был не русский, приехал из дальней страны. Приехал в Сибирь и сразу основал наш род. Отсюда мы все – которые настоящие нашей фамилии – и пошли (т. 2, с. 370).

Подтверждение этой легенды и других фактов из биографии Пантелеймонова с опорой на архивные документы содержится в обстоятельной статье И. А. Махановой [2017].

Жизненные испытания Пантелеймонова сравнимы разве что с приключениями героев Александра Дюма.

Семнадцати лет он был арестован во время ученической забастовки в Промышленном училище и провел полтора месяца в Красноуфимской тюрьме. Осенью 1907 г. оказался под стражей вновь как член эсеровской организации. В этот раз его взяли с поличным, обнаружив при обыске бланки поддельных паспортов. Через полгода после второго ареста Пантелеймонов выслан в Вологодскую губернию под надзор полиции. Много лет спустя он опишет этот отрезок своей жизни в автобиографическом (как практически все его произведения) цикле «Молодые глаза», уточнив в примечании к рассказу «Орлята»: «Относится к эпохе 1907–1908 гг.» (т. 1, с. 273).

Что это за славный разбойник с героическим лицом бродит из угла в угол? Пошпиливает волосики будущих усов. Румянец не смуть никакой одиночкой, под сатиновой рубашкой (светлая куртка с ясными пуговицами валяется на кровати) напряженные мускулы, волосы взъерошены... но взгляните же на лицо: если рисовать мечтателя – вот он, видите глаза?

Такой симпатичный парень!

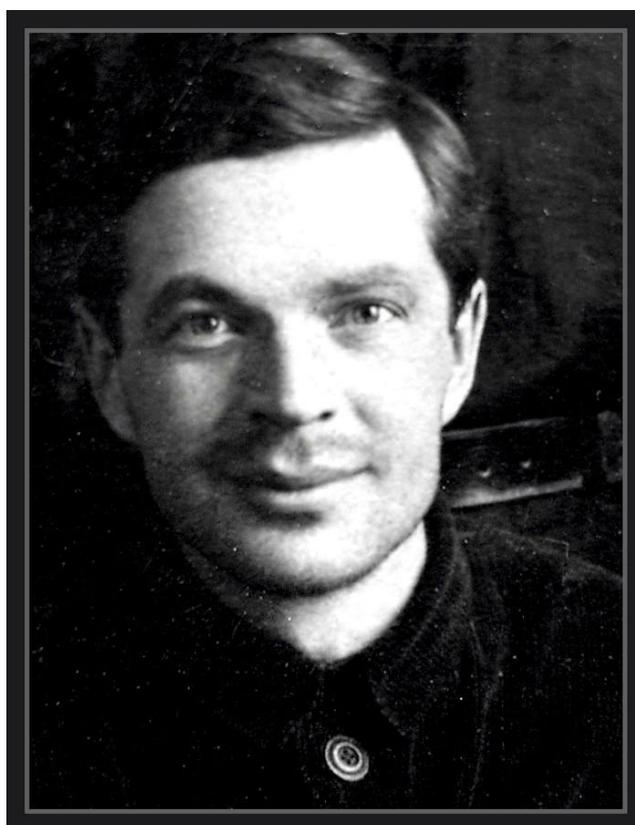
Вот это я и есть, как любовно самому себе вспоминается.

Сбылась моя мечта – я революционер. Завидуют мне теперь приятели.

<...> Почему не повести меня по городу на допрос? Среди бела дня, двое конвойных. Если б еще кандалы... (т. 1, с. 273–274).

Пролистнем несколько лет бурной пантелеймоновской молодости, совпавшей с известными катаклизмами начала века. Если передать эти годы пунктиром, получится так.

1912 г., Москва. Неблагонадежный Пантелеймонов проходит у московской полиции под кличкой «Мыловар» (в течение полутора лет он выпускал журнал «Мыловаренное дело»). Через год вновь арест – в Риге изъята отправленная на его московский адрес партия эсеровской литературы. Отпущен за недостатком улик. Первая мировая война – призван в армию, служил в пехотном полку, получил два ордена за участие в боях. Незадолго до Октября избран от эсеров гласным в Московскую городскую думу.

Б. Г. Пантелеймонов. Начало 1920-х гг.
B. G. Panteleymonov. Early 1920s

После революции Борис Пантелеймонов на службе у новой власти. В первые советские годы его деятельность связана в основном с научными разработками

в области химии. Он автор нескольких патентов на изобретения. Актуальными и крайне нужными молодому государству признаны его исследования «Анализ сахара и сахаринсодержащих веществ» (1922) и «Магниевые соли из Сакского озера и промышленное применение солей магния» (1925). Основанный в 1924 г. благодаря изысканиям Пантелеймонова Крымский хлормагниевый завод в Саках становится крупнейшим предприятием полуострова, значительно удешевив производство магния. Такой же завод строится в Одессе. В 1929 г. перспективный ученый-практик направлен в Германию для участия в международном химическом конгрессе и закупки удобрений. В советскую Россию он не вернется.

Следующее явление Пантелеймонова – в Палестине, на службе в Поташной компании на Мертвом море. Поташ – соль карбоната калия, которую с древних времен использовали для стирки. Раньше ее получали при сжигании золы. Интерес к поташу у Пантелеймонова наследственный – еще его английский дедушка Саймон Дигби во времена царствования Михаила Федоровича получил разрешение на монополию производства поташа в Ярославском, Вологодском, Тотемском, Устюжском и Двинском уездах и на вывоз его за границу (см.: [Махнанова, 2017]). Палестинская поташная компания, в которой работал Борис Григорьевич, извлекала поташ и бром из Мертвого моря. Поташ использовался в мыловаренной промышленности (вновь «Мыловар»!), для дезинфекции, добавлялся в лекарства от кожных болезней для многократного усиления эффекта.

А дальше новый виток авантюрного романа, каким представляется вся жизнь Пантелеймонова. «Революционную» и «научную» линии в этом романе затмевает «любовная». «Полюбить – так уж жениться».

Описание одного дня из ближневосточной жизни Бориса Григорьевича сохранилось в двух неожиданных источниках. Первый – вышедший в 1937 г. по инициативе Максима Горького – сборник «День мира», который освещал события на всем земном шаре в произвольно выбранный день 27 сентября 1935 г. В разделе арабских стран сборника была перепечатана заметка из бейрутской газеты «Ле Ориент», датированная этим днем, в которой сообщалось:

В Бейруте покончил с собой русский эмигрант Борис Пантелеймонов. «Отчаяние г-на Б. Пантелеймонова вызвано личными неудачами. <...> В прошлый понедельник Пантелеймонов продал всю обстановку своей квартиры и заплатил долги. У него осталось несколько сирийских ливров. Вечером, выпив стакан вина, он зашел к цветочнику и купил у него двенадцать букетов. Затем он заперся в своей комнате, разбросал цветы, лег на пол и принял яд. *Ориан*, 27/IX» [Лапин, Хацревин, 1937, с. 347].

В горьковском сборнике не сообщались мотивы трагического поступка – всё сводилось к назиданию о безысходном положении русских эмигрантов на чужбине. Правда, несколько удивляли эти «двенадцать букетов». Что за странная сентиментальная прихоть у бедного эмигранта?

По разысканиям Михаила Агурского (1992) (т. 3, с. 345–361), газета «Давар» от 1 октября 1935 г. со ссылкой на бейрутскую газету «Саут аль-ахрар» дает иную версию самоубийства профессора Пантелеймонова, приводя подробности личной жизни «покойного».

В Палестинской поташной компании Пантелеймонов получал высокую по тем временам зарплату. В 1930 г., отчаянно влюбившись в двадцатилетнюю красавицу Зинаиду Крумбах, обвенчался с ней. Вскоре, как сообщается в заметке, молодая

жена, не выдержав постоянных вспышек ревности супруга, бежала от него в Бейрут, где поступила на службу в бельгийское консульство. Пантелеймонов последовал за ней. В более позднем пересказе этих событий А. М. Ремизовым, со слов Пантелеймонова, в Бейруте он «пробовал поступить к какому-то эмиру по орошению абрикосовых садов, но не вышло, и устроился в красильной лаборатории» (т. 3, с. 294). Между супругами вновь начались скандалы. Пантелеймонов забросил работу и вскоре промотал все свои накопления. После длительного бракоразводного процесса Зинаида получила свободу. А ее теперь уже бывший супруг, распродав домашнюю обстановку, расплатился с долгами, купил на рынке двенадцать букетов, несколько бутылок виски и шампанского и запил, разложив букеты на полу и поставив в центре фотографию жены. А потом принял яд. Наутро, как заключается в газете, его нашли мертвым (т. 3, с. 353).

Наличие фотографии любимой женщины среди «букетов», впечатливших репортеров обеих газет, и «несколько бутылок виски и шампанского» против «стакана вина» придают этой истории совсем иную окраску. Страстная натура, способная на безумства из-за любви, – это все-таки не отчаявшийся безработный эмигрант. Скорее, напоминает молодого Бунина, еще не приобретшего бесстрастное «лицо римлянина-патриция», как характеризовал его позднее П. Пильский, того 24-летнего Бунина, что пишет своей возлюбленной Варе Пашенко:

Ну вот – пусть Господь убьет меня громом, разразит меня всеми нечеловеческими *страшными* потерями и муками – клянусь тебе – не стало сил моих! Ну хоть бы день отдыха, покоя, пойми же, я бы полжизни отдал, только бы возненавидеть тебя, стереть с лица земли все эти проклятые воспоминания, которые терзают меня этой проклятой, несказанной любовью <к> тебе, – успокоиться – ведь что же, вижу все потеряно, что же, наконец, за выгода мне рвать свое же сердце. Но каждую, каждую минуту все забываю – пойми же, Христа ради, этот ужас – забываю, что ты-то и есть причина моей муки, а я забываю, и когда вот начинает против всякой воли расти, расти эта боль и не в силах терпеть, заплачу вдруг, опять рванусь к тебе, вот бы уткнуться лицом в твои колени, прижаться к тебе, защититься от отчаяния, а нет, опомнюсь – в тебе все! Но не могу уже больше, или письма мои не доходят, или ты дьявол, что же это, говорю тебе, я бы сам не поверил, что это творится – непрекращающи<еся> страдания! <...> я же живой, Варя. Если твое решение бросить меня осмыслилось, – чего же тебе бояться, что оно поколебается. А тяжело, но ведь у меня сердце кровью сочится! Жду ответа, ответь во что бы то ни стало, а то я на все решаюсь. Мне все равно теперь, все ничтожно перед моим страданием (Письмо Варваре Пашенко, ноябрь 1894 г.) [Бунин, 2003, с. 194].

Вспомним ту же непереносимую, гибельную муку страдания в бунинских «Митиной любви», «Генрихе», «Музе», «Деле корнета Елагина» (сравним, кстати, последнее с пантелеймоновским приготовлением к самоубийству). Или финал «Кавказа» (1937, 12 ноября) у Бунина:

Он искал ее в Геленджике, в Гаграх, в Сочи. На другой день по приезде в Сочи он купался утром в море, потом брился, надел чистое белье, белоснежный китель, позавтракал в своей гостинице на террасе ресторана, выпил бутылку шампанского, пил кофе с шартрезом, не спеша выкурил сигару. Возвратясь в свой номер, он лег на диван и выстрелил себе в виски из двух револьверов [Бунин, 1999, с. 183].

Пантелеймонов позже тоже напишет рассказ об отчаянной любви и яростной ревности, который можно рассматривать как своего рода защитный механизм

психики, творческую сублимацию. Это рассказ «Ванда» (он вошел в его вторую книгу, «Звериный знак», 1948) – о том, как обманутый муж выстрелил в лицо любовнику своей двадцатилетней жены (т. 2, с. 5–10). Муж в тюрьме, ослепленный любовник с обезображенным лицом в больнице, но главное – рассказ ведется от лица третьего, который любит эту женщину, и она отвечает ему взаимностью.

Я представлял себе подробности всякого обмана. Об этом думать страшно, очень страшно, воображение надо придавить, это совсем непереносимо. <...> У меня еще юношеская вера в справедливость. Для меня это теплое, нежное, без чего не стоит жить. Умом я знаю – справедливость в нашей жизни редка. У меня это тоже атавизм – дикари убеждены в торжестве справедливости и ценят ее выше всего» (т. 2, с. 9).

«Он был правдивый, – вспоминал о Пантелеймонове А. М. Ремизов. – <...> Он был целомудренный. Нельзя представить себе, чтобы он ругался или сквернословил. <...> Он был необыкновенно доверчивый» (т. 3, с. 305–306).

Финал «Ванды» производит сильное впечатление:

Знаете, а ведь я рассказываю про свою первую жену. Не Ванда... но все равно.

– Вы женились на ней все-таки?

– Да.

– Где же она сейчас, вы расстались?

– Она умерла.

Я перехватываю недоверчивый взгляд (т. 2, с. 10).

М. Агурский предполагает, что прототипом Ванды являлась Зинаида Крумбах и что двадцатилетняя жена Пантелеймонова и до знакомства с ним была замужем и «ушла к нему в драматических обстоятельствах» (т. 3, с. 360).

Что крылось за мнимым самоубийством Пантелеймонова? Была ли то газетная утка, мистификация, бессильная месть покинувшей его жене? Или желание «замести следы», чтобы в Советской России о нем забыли как о покойнике? А может, всё было всерьез, и Пантелеймонов после сведения счетов с жизнью действительно выжил случайно?

Кстати, Тэффи тоже «хоронили» дважды: впервые после ошибочного некролога М. О. Цетлина – за 9 лет до подлинной кончины. Узнав об этом некрологе, Тэффи будет еще шутить в письмах к дочери Валерии: «Шидловский <приятель дочери. – Е. Т.> обещает мне раздобыть мой некролог. Очень любопытно почтитать. Может быть, такой плохой, что и умирать не стоит...»³.

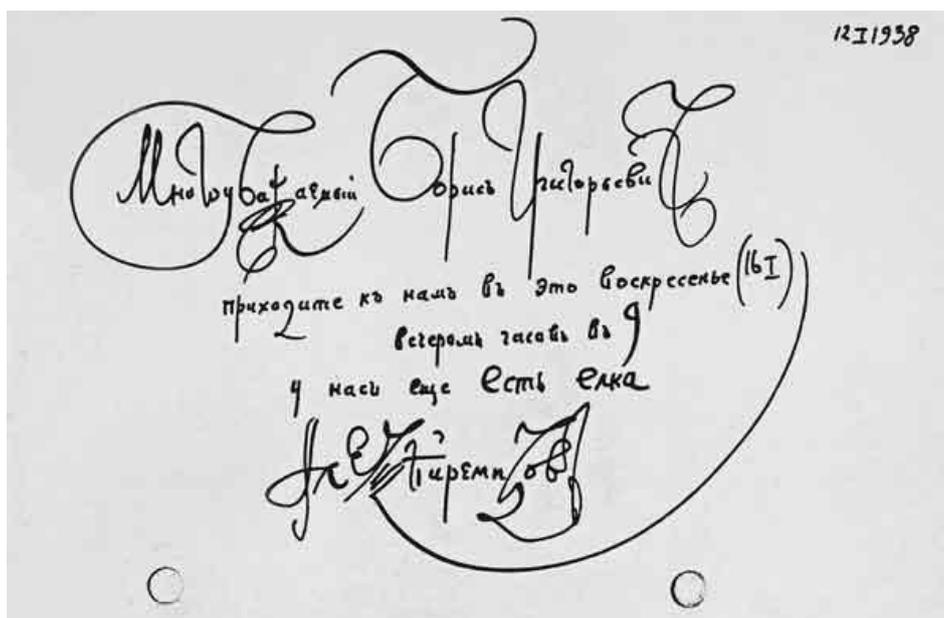
Должно быть, «черновой» некролог Пантелеймонова в 1935 г. был также не слишком хорош, раз он решил повременить со смертью. Где Борис Григорьевич обретался после своей «кончины», неизвестно. Он будто подвел черту под своей прошлой жизнью, чтобы, подобно графу Монте-Кристо, «воскреснуть» спустя два года, появившись в Париже.

7 декабря 1937 г. он вошел в квартиру Ремизовых на улице Буало с рекомендательным письмом от общего знакомого, инженера В. А. Залкинда, который писал, что подружился с Пантелеймоновым в Иерусалиме, аттестовал его как большого ученого-химика и просил принять его в Обезьянью палату «хоть маленьким чи-

³ Бахметевский архив русской и восточноевропейской культуры (Колумбийский университет, Нью-Йорк). Фонд Тэффи.

ном». Ремизов, впрочем, знал имя своего визитера еще раньше. Тот дважды писал ему из Бейрута с просьбой напечатать в «Последних новостях» стихи некой поэтессы по фамилии «Нахичеванская». Редактор литературного отдела газеты Михаил Осоргин, сочтя стихи мистификацией посредника, тогда отверг их.

История отношений Пантелеймонова и Ремизова описана последним в книге «Мышкина дудочка» в главе «Стекольщик» (т. 3, с. 290–310), где его глазами впервые явлен облик нового знакомого: «Это был не по возрасту белый с зеленью, обветренный в кирпич, в черном сюртуке – в Париже о таких костюмах забыли – тонкий, и ничего отталкивающего» (т. 3, с. 293). В доме Ремизовых, где за каждым закреплялись особые, «обезьяньи», имена, ему было дано – «Иерусалимский». Пройдет немного времени, и у Бориса Григорьевича Пантелеймонова появится своя лаборатория в городке Монруж под Парижем. Он уже не бедный, в обносках, «Иерусалимский», а успешный химик и изобретатель, «Стекольный мастер», или попросту «Стекольщик». «Пантелеймонов изобрел “синтетическое” стекло, – пояснит новое имя Ремизов, – заливает цветы и мелких зверей, и они у него под стеклом как живые <...> А со временем – он делает опыты – он найдет заливку и на <...> человека» (т. 3, с. 304).

Приглашение от А. М. Ремизова Б. Г. Пантелеймонову. 12 января 1938 г.
Почтовая карточка. (Впервые опубликовано: Наше наследие. 2013. № 107)
Invitation from A. M. Remizov to B. G. Panteleymonov. January 12, 1938.
Postcard. (First published: Our heritage. 2013. № 107)

Среди патентов изобретателя – синтетический каучук, пластмасса холодного литья. А во время войны за закрытыми дверями его лаборатории тайно изготавливается взрывчатка для маки – французских партизан. Пантелеймонов помогает участникам Сопротивления и не скрывает своих просоветских взглядов, которые выражает в очерках, посылаемых в газету «Советский патриот».

При всей искренности намерений статьи получались официозные, с преобладанием восторженных восклицаний в адрес СССР, первых пятилеток и советского вождя.

Бывая у Ремизова, он робко показывал свои публицистические опусы признанному классику. «Как трудно писать, что вы написали. Много тут в словах, а не на деле, – отвечал Ремизов. – <...> Буду ждать ваших рассказов о России. Я выделяю из всего тамошнего за “дело” и что по-русски пишете» (в письме от 20 февраля 1945 г.) (т. 3, с. 175). Алексей Михайлович предложил Пантелеймонову попробовать написать что-нибудь художественное, «из жизни», благо богатая биография начинающего автора, насыщенная приключениями, давала для этого много материала.

В рецензии на его первую книгу А. В. Руманов потом будет отмечать: «Основа Пантелеймонова – его феноменальная память. Он помнит все, что перевидел и пережил. А перевидел и пережил он многое» (т. 3, с. 269). Именно память в сочетании с по-детски неумной фантазией и редким даром рассказчика обеспечит впоследствии Пантелеймонову читательский успех.

Зачарованный Пантелеймонов сразу и безоговорочно попадает под влияние наставника, и начинается серьезная литературная учеба. «Думаю, сидя у Ремизова: иду в монастырь. Всё приму, что Настоятель скажет», – признавался он (т. 3, с. 122). Оглушенный Ремизовым, Пантелеймонов сравнивал его воздействие на себя с фокусами иллюзиониста: слова мелькали подобно шарикам в руках ловкого жонглера. (Так вот кто он, тот неказистый внешне ловкач из цитируемой в начале рукописи – объект зависти «молодого писателя»! *«Маленький, брови ключьями, душа краем держится. Под очками сразу губы, двиг их явственный: слова собственные, стопроцентные. Хватка, повадка – невиданно! И так ловко клубок разворачивает, петли мечет то ширше, то уже – завидно».*)

«Горячо и всецело люблю настоящую, прошедшую и будущую Русь», – заявлял Ремизов (т. 3, с. 128). И эта беззаветная любовь к России сближала ученика и учителя. Мечтали о совместной поездке в Сибирь, в Тобольск, по выражению Ремизова, – на его «летописную родину» (предок писателя Семен Ульянович Ремезов, по преданию, был автором первой географической карты Сибири).

Ремизов нещадно правил ученика, приклеивал в его рукописях бумажки с пояснениями, для наглядности сопровождал свои пометы рисунками и без конца велел переписывать. Рекомендовал остерегаться убогого в своей чрезмерной «правильности» языка. «Писать надо так, – настаивал, – чтобы переводить было очень трудно, а лучше всего, чтобы было не переводимо» (т. 3, с. 129). И, признается Пантелеймонов, постепенно уши его вдруг начали «слышать то, что раньше не слышал» (т. 3, с. 124). Он следует ремизовским советам избегать внутренних созвучий (вроде «серое бисерное»), ассонансов (рифмы в прозе), «суконного», по Ремизову, слова «который». Это Ремизов «разрешил» Пантелеймонову сочетать разные времена в одной фразе, чтобы избежать нечаянного созвучия, от которого, как он пишет, «для русского уха беспокожно» (возможно, именно тогда по-

является характерное пантелеймоновское смешение всех времен в одном предложении, на которое ему будут впоследствии пенять рецензенты). В другой раз наставник советовал ученику заменить местоимение «он» в середине его повествования на «я», а закончить опять на «он» – в духе исконного русского лада (иллюстрировал соответствующими грамотами). Рекомендовал избегать «царапающих», как он говорил, слов «женщина» и «мужчина», а также «пустого, ничего не выражающего» слова «красота». Остерегал от неэкономного расхода эпитетов («если нет яркого, то никакого не надо») (т. 3, с. 129). Главный же завет Ремизова заключался в призыве слушать ритм, музыку повествования, чтобы ритм и слово были «русского лада», чтобы «оживить серую, в “немецких” шорах, книжную русскую речь» (т. 3, с. 123). Чтобы постичь музыку языка, советовал читать «дьячий язык Приказов», где нет «никакой книжности, никаких “щей”» (т. 3, с. 308), – словом, учиться грамматике заново.

И вот, наконец, ученик перешел в разряд подмастерьев – Ремизов предложил ему совместно заняться изданием литературного альманаха. «В 1945 году в Париже, по инициативе А. М. Ремизова, наметили издать через меня “Русский Сборник”, – так начинаются воспоминания Пантелеймонова «Встречи со старыми писателями» (т. 3, с. 111). Хотя «через меня» в данном случае означало, скорее, «за счет меня»: издание, гонорары, вся организационная и материальная часть ложились на Пантелеймонова, который всегда отличался безоглядной широтой души.

Основная ставка в будущем сборнике делалась на имя Бунина – академика, лауреата Нобелевской премии, к тому же недавнего юбиляра (в 1945 г. ему исполнилось 75 лет).

2 января 1946 г. Пантелеймонов пишет Бунину:

Многоуважаемый Иван Алексеевич,

По инициативе А. М. Ремизова группа лиц приступает к изданию альманаха «Подорожник»⁴, где примут участие главным образом лишь старые писатели (что касается, по крайней мере, литературно-художественной части). Размер альманаха около 6–7 печатных листов. Выход намечен на начало февраля.

В альманахе будут отмечены юбилеи – Ваш и А. Н. Бенуа. Мы хотели бы поместить Ваш портрет, исполненный на меловой бумаге в размер альманаха в виде вклеенного в книгу листа. Естественно, что необходимо иметь что-либо от Вас и о Вас. По всем этим вопросам необходимо было бы лично переговорить с Вами. Поэтому прошу Вас назначить мне свидание.

С совершенным уважением к Вам (т. 3, с. 189).

В более позднем (28 января 1946 г.) письме-приглашении Н. А. Бердяеву уточнялись данные об объеме, тираже и последующей судьбе задуманного издания: «В конце февраля предполагается выпустить альманах (типа “Современных записок”) объемом около 12 листов. <...> Тираж издания около 1500. Нам обещано, что некоторое количество будет взято в СССР и что по поводу альманаха будет устроена дискуссия в Союзе советских писателей» (т. 3, с. 153).

---

⁴ Впоследствии название было заменено на «Русский Сборник». «Подорожником» стало называться издательство, в котором вышел «Русский Сборник», как и все парижские книги Пантелеймонова.

Пантелеймонов вспоминает, с каким предубеждением он отправлялся в первый раз к Бунину для разговора о сборнике – наслышан был, что академик «надменный, недобрый, “зубр”». (Это ведь о нем: *«речь важная, в бобрах – большой барин»!*) Да и что общего могло быть у автора «Окаянных дней» и человека, вдохновенно пишущего о советских пятилетках и называвшего Сталина человеком с «абсолютным политическим слухом», «невероятной по своей мощи исторической фигурой» (т. 3, с. 11)?

Очерк, откуда взяты цитируемые строки, был опубликован в «Советском патриоте». Само сочетание этих слов – «советский патриот» – из уст Бунина могло прозвучать разве что в бранном смысле. Да и безудержное восхваление Пантелеймоновым успехов страны Советов должно было бы навеки поместить опорочившего себя автора в лагерь нерукопожатных. Однако случилось невероятное: в первую же встречу настроенные поначалу друг к другу Бунин и Пантелеймонов долго не могли наговориться. «Бунин, конечно, не однолетка со своим возрастом, – удивленно открыл для себя Пантелеймонов. – Он в своей духовной сущности не тронут и способен мальчишествовать и увлекаться. Веселится по-искреннему. Готов и выпить» (т. 3, с. 120). Как же им, таким родственным душам, было не сойтись! Не случайно со временем Борис Григорьевич Пантелеймонов вошел в число самых близких и дорогих Бунину людей. Да так, что – забегая вперед, – когда спустя четыре года он внезапно скончается от тяжелой болезни, Бунин поплачется Тэффи, сообщившей ему скорбную новость:

У меня не было сил написать Вам и по моей великой слабости и по тому, как разорвала мне сердце эта страшная весть. С годами тупеешь к потере близких, знакомых, но тут я так плакал, как давно, давно не плакал. Только теперь узнал, как я любил его! (Письмо от 24 сентября 1950 г.) (т. 3, с. 258).

Но в 1946 г. все еще живы и полны творческих планов. Обсуждая состав будущего сборника, Бунин с Пантелеймоновым соглашаются, что непременно надо пригласить в него Тэффи. «Сестрица, это такая, скажу вам, *баба*⁵, – наставительно говорит Бунин, – в ней что-то такое есть, что еще никто как следует не понял ~~не раскусил~~. Большой человек, большой талант. ~~Что то, может, только потом люди выудят. Крупная фигура~~» (т. 3, с. 112).

Пришел высокий элегантный господин, лет 45, с тщательно причесанными серебряными волосами, – вспоминала Тэффи первый визит издателя в своих мемуарах «Мой друг Борис Пантелеймонов». – Красивое тонкое лицо, губы сжаты, синие глаза внимательны и серьезны (т. 3, с. 311).

Это уже не тот странник-паломник в старомодном «эмпермеабле, жеванном в сеть», каким за девять лет до того он явился к Ремизову.

У нас писателей глаз острый, – продолжает писательница. – Я сразу поняла – англичанин.

– Я Пантелеймонов, – сказал англичанин.

---

⁵ Здесь и далее зачеркнуто при редактировании рукописи. Как написано в предисловии к первой публикации очерка Пантелеймонова, «сохранилась авторская правка (или правка К. М. Симонова, что может установить только специальная почерковедческая экспертиза). Поэтому в тексте <...> оставлены перечеркнутые строки» (т. 3, с. 5).

Оказался коренной русский, сибиряк, 58 лет, ученый-химик, профессор, автор многих химических открытий и работ (т. 3, с. 311).

Б. Г. Пантелеймонов. Середина 1940-х гг.
B. G. Panteleymonov. Mid-1940s

Близкое знакомство с Тэффи ошеломило Пантелеймонова не меньше двух предшествующих. Он помнил, что Ремизов, призывающий его учиться письму, на вопрос, как это удастся Тэффи, разводил руками: «Птичка. Птичка Божья. Это как голос, поставленный от природы, не требующий обработки» (т. 3, с. 141). Теперь, бывая на еженедельных четвергах в ее доме, Пантелеймонов мог убедиться, что Тэффи – уникум, исключение в писательской среде (*Жемчужина, плат распис-*

ной...). Она сплетала какие-то фантастические сложносочиненные сюжеты буквально на ходу, на глазах своих друзей.

У меня о литературном творчестве свое представление. Я не верю, что вот так снисходит – и человек, как замороженный, творит. Даже Пушкин работал беспощадно. Но Тэффи, со своей искрометностью, опрокидывает мои представления. Все более и более убеждаюсь, что у нее это как у птички божьей, действительно, рождена с какими-то колдовскими особенностями. Выдумка, весь узор рассказа находят на нее как-то помимо нее (т. 3, с. 135).

Помимо редкостного таланта, Тэффи отличали «доброта ко всем пишущим, готовность всем помочь советом. Широта от богатства природы» (т. 3, с. 141). И Пантелеймонов с благодарностью прислушивается к советам нового обретенного наставника.

Под обложкой «Русского Сборника» собрался весь цвет эмиграции. Свои рассказы дали Ремизов, Бунин и Тэффи. Среди привлеченных авторов Н. Бердяев, З. Гиппиус, М. Цветаева, Г. Иванов, И. Одоевцева, Л. Зуров, Ант. Ладинский, Н. Рошин, П. Ставров и др. Воспользовавшись издательским положением, Пантелеймонов подготовил для сборника и собственные произведения – публицистическую статью «Судьбы народов» и первый художественный рассказ. Причем сначала это был фантастический фельетон в ремизовском стиле, а потом, когда рукопись уже ушла в набор, он внезапно позвонил Тэффи и сообщил, что накануне написал новый рассказ, о своем детстве. Им оказался знаменитый «Святой Владимир», в котором этот ходульный агитатор и пропагандист советского образа жизни неожиданно явил себя тонким стилистом и задушевым художником.

Начинающего автора сразу признали. И не только читатели. Как равного признало его и литературное сообщество. В рецензии на вышедший сборник Георгий Иванов напишет:

Новое имя. Откуда в наши дни взяться в эмиграции новому имени, способному возбудить интерес? Очерк Б. Пантелеймонова⁶ не только вызывает интерес, но и <...> сожаление, что этих страниц только 26, что увлекательное повествование оборвано и мы так и не узнаем <...>, что стало [с его героями] и с самим автором, <...> сумевшим взглянуть на Божий мир тихими, ясными, все подмечающими глазами <...>. «Святой Владимир» написан, что называется, без затей, но это отличная «чеховская» простота, под которой чувствуется врожденное мастерство (т. 3, с. 267).

Трудно представить, но всего за четыре года новичок в литературе Пантелеймонов стал близким другом ведущих писателей русского зарубежья, названным «братом» небожителей Парнаса Бунина и Тэффи.

Каждую свою новую вещь Пантелеймонов традиционно переписывал в двух экземплярах: один посылал Бунину, другой – Тэффи. «Мы любили собираться втроем, – вспоминала Тэффи, – Бунин, он и я. Было хорошо. Бунин подшучивал над “молодым автором”. Тот весь излучался от радости этого общения. Да, было хорошо. Они оба называли меня сестрицей» (т. 3, с. 315).

---

⁶ Речь идет об отрывках из повести «Святой Владимир».

Сидят: Н. А. Тэффи (крайняя слева), И. А. Бунин (третий справа, в кепке).
Б. Г. Пантелеймонов стоит за спиной Тэффи, с трубкой в руке. Вторая половина 1940-х гг.
Sitting: N. A. Teffi (far left), I. A. Bunin (third from the right, in a cap).
B. G. Panteleymonov stands behind Teffi, with a pipe in his hand. Second half of the 1940s

Это начиналось как шутливая игра, но постепенно переросло в подлинные чувства, и уже редкий день обходился без перебрасывания письмами-пневматиками.

«Друг мой дорогой», «милый мой друг», «братец милый», «братец мой любимый», «голубчик брат», «друг мой небесно-любимый», – обращалась к Пантелеймонову в письмах Тэффи.

Бунин был более изобретателен и ироничен в обращениях, почти не повторяясь:

Сher Maitre, Канадский бобер, Отче Рыбоудче, Дорогой писатель и Химик, Граф, Дорогой Патриот Патриотович, Милый Пантелей Пантелеич, Любезный автор, Милый Ермак Пантелеич. Седой канадский тигр, Дорогой Тажник-Пантелей Менделевич-Миклухо-Маклай, Сын трудового народа, Милый дяденька, Дорогой демон, Милый, дорогой Менделеймонович, Разлюбезный друг, Дорогой дядя Володя, Любезный князь Мышкин, Любезный собрат, Дорогой дядя Боря, Глубокоуважаемый Григорий Борисович, Дорогой Старушек, Товарищ, Дорогой Пан-Телей, Милый дедушка, Дорогой Среброволосый автор, Дорогой Серебристый Канадский бобер и т. п.

Бунинские подписи под письмами Пантелеймонову также отличались разнообразием:

Лауреат, Граф Иван Тонкий, Пахом Менделеевич, Ваш Доброжелатель, Иван Терибль, Иван Горький, Ваш Сим Томас, Ив. Лебедев-Кумач, Иван Иванович, Ваш дядя Ваня, Сухово-Кобылин, Ваш благодетель, Действительный статский Советник Ефедрин Адrenalинович Астмов, Ваш Ванин, Князь Буй-Горбунец, Ваш Невозвращенец, Описатель природы, тяжело страдающий без Сталинградской России, и т. д.

Все эти «Невозвращенец», «Тяжко страдающий без Сталинградской России», «Патриот Патриотович», «Товарищ», «Сын трудового народа» (аллюзия на бунинского ученика по ту сторону границы Валентина Катаева) язвительно намекали на просоветские убеждения Пантелеймонова, которых, впрочем, он никогда не скрывал. С июня 1946 г. у Пантелеймонова был советский паспорт. Он с гордостью подчеркивал: «Я – советский гражданин. Советский. Моя Родина – СССР. Великая, героическая страна. <...> Возьми меня. Я твой кирпич. Строй из меня, непостижимый Зодчий» (т. 3, с. 103–104).

Пантелеймонов горячо проповедует среди своих друзей-наставников любовь к Родине, спорит с ними, взывает к чувству патриотизма, хотя сознает напрасность и бессмысленность своего клича:

Тому, кто слишком верит в силу своего разума и кого это влечет на вражду к моей Родине, – пусть просияет и смирится. Усомнитесь в исторической верности своих идей. Облегчит свое сердце, которое никогда не примиряется с отрывом от родной земли. Потому у него такой землистый цвет лица, неверный взгляд, озлобленное перо, вечный омут в сердце. Которое он не смирит. Никогда (т. 3, с. 104).

Про озлобленное перо и омут в сердце – это о Бунине, несомненно. Это его, неназванного, призывает Пантелеймонов послушать «свое сердце», поехать домой, чтобы «умереть на родной земле». «Иди, упейся Родиной, иди к своим, счастье ждет твою неизбалованную замученную душу». Он обращается к тому, кто, как уверен Пантелеймонов, «творит и живет в пустыне, где его не понимают, не хотят знать. Где пыл души, редкостные изгибы разума – расточаются бесплодно. Кто мог бы говорить для миллионов и мельчает, тратясь на десятки. <...> Тому, кто живет Богом и идет против его заветов, отворачиваясь от родной земли» (т. 3, с. 104).

Но даже сугубое различие в политических взглядах не могут их развести по разные стороны баррикад.

Сейчас я пойду к своим друзьям, – заявляет Пантелеймонов. – К тем друзьям, которые думают не так, как я. С которыми мне о многом было нельзя говорить. Мне надо сказать им только о том, что я был прав: лик родины искажали. Эти друзья дарили меня своей любовью и уважением, хотя между нами лежала пропасть. Я понимал их прямоту, честность, благородство. Нет между нами пропасти – мы любим Родину (т. 3, с. 105).

Художественные произведения Пантелеймонова написаны будто совсем другим пером, свободным от пафоса и от политики. (Нельзя ведь отнести к «политике» цикл «Молодые глаза», где автор с мягкой самоиронией повествует о своей революционной юности.) Пантелеймоновские темы – традиционные гуманистические темы русской литературы: добро и зло, любовь и сострадание, поиски смысла жизни, внимание к братьям нашим меньшим.

Новые наставники Пантелеймонова – литературные антагонисты Ремизова – Бунин и Тэффи начали с ниспровержения своего предшественника.

Ремизовскую манеру писать, его стиль, его произведения не любят <...> ни Бунин, ни Тэффи, – с сожалением констатирует Пантелеймонов. – А я сам, еще до того как стал пописывать, был болен Ремизовым.

– Скажите, это у вас хроническое или можно вылечить? – допытывается Бунин (т. 3, с. 117).

Просматривая пантелеймоновские рукописи, он нещадно вымарывает «ремизовщину», помечая на полях: «не понимаю» или «вон, к чёрту!»

Прочитав «Молодые глаза», Бунин выскажет Пантелеймонову в письме:

Когда читал начало, воскликнул вслух:

– Какой талантливый человек!

К концу менее интересно, но неплохо.

Недостатки: уж очень отрывочно; зачем автору уж так сильно хочется кокетничать этим? Кокетничает он до некоторого блядства и ремизовским языком – фразы не скажет в простоте! (т. 3, с. 196).

В письме Ремизову от 15 марта 1947 г. целомудренный Пантелеймонов перекажет этот отзыв, смягчив нецензурную бунинскую брань:

Между прочим, в этом номере «Новоселья» идет моя вещь – «Молодые глаза». <...>

Бунин сказал: «Талантище, но паскуда ремизовская, ни одного слова просто не скажет». Я как мог отругался, но боюсь, что Вы скажете обратное: «Пишете по-немецки, вроде Бунина» (т. 3, с. 168).

Смущенный противоречивыми советами мэтров, «молодой писатель» пытается найти золотую середину в теоретических исследованиях. Чувствуется закваска технаря, который подходит к литературному труду с математической меркой, поверяя гармонию алгеброй. Он простодушно признается в письмах к Тэффи:

Вопросы остроумия я изучал по Фрейду. И уверяю Вас – много моих шуток, помещенных в книгу, не слетели мне с небес, а созданы применением научных приемов. Есть у меня и такой прием: когда меня не удовлетворяет фраза, я начинаю мысленно переводить ее на французский, немецкий, английский. И вдруг ахнет-родится «находка» <...> Заслуга автора вовсе не в том, с моей точки зрения, что он пользуется только исключительно новым, своим. Это даже безразлично. Заслуга в том, что он создает новую картину, заставляет все звучать, создает музыкальную фугу <...> Вообразите, если бы конструктор машины не имел права пользоваться деталями уже известными. Никакой бы машины не было ⁷.

Однако еще раньше, в письме Пантелеймонову от 9 мая (предположительно, 1947 г.) Тэффи предостерегала его от чрезмерного увлечения теорией, пересказывая состоявшийся разговор с Буниным:

Сегодня долго говорили о Вас, и он просил Вам написать, чтобы Вы немедленно все эти руководства по сочинительству бросили в печку. Это Вас погубит, засушит. Сказал, что у Вас отличный свободный язык, и никогда он ни на какие *неправильно-*

---

⁷ Из письма Б. Г. Пантелеймонова к Н. А. Тэффи от 16 июня 1947 г. Бахметевский архив. Фонд Тэффи.

сти <здесь и далее выделено Тэффи. – Е. Т.> не напал, а только на нарочитые ухищрения. В разговоре нашем я сказала афоризм, за который он с радостью ухватился. Я сказала: «Хорош тот язык, которого не замечаешь». Если он красив, изыскан, меток, ярок – все равно вы получаете впечатление от всей целостности, не замечая работы, мастерства, как не замечаете холста, сорта красок и кистей в великолепной картине. Поэтому, читая Ваши вещи, и иногда погружаясь в них, как в музыкальную симфонию, <я> вдруг получала толчок, точно струна лопнула или флейта сфальшивила. Это была ремизовщина (чужая для Вас, фальшивая, точно краденая) или нарочитая выдумка, нечестная, намеренно запупыристая (вот, мол, как я могу). Прочтите Ваши руководства, если они заняты, но пишите как писали, ради Бога, не засушивайте себя. У Вас должен быть *свой* язык ⁸.

Так же, как Бунин, Тэффи всеми силами старается оградить Пантелеймонова от литературного влияния Ремизова. Начинающий автор советуется с ней, как лучше назвать первую книгу, делится своими вариантами, в том числе подсказанным Ремизовым, – «Зеленые зовы». Тэффи отвечает:

Ради Господа Бога, оставьте «Зеленый шум». Название *великолепное*, очень как синтез подходит, красивое, народное – лучше и не приснится даже. Все эти «сны», «грезы» и прочая карамель совсем Вам не годится. «Зеленые сны». Что ему, шпинат, что ли, снится?.. Вместо «Молодые орлы» поставьте «Орлята». Очень хорошо. Бунин согласен, что хорошо. «Орлы» – вообще было слишком превыспренно. Все еще неорлиное, все молодое, бестолковое, проба крыльев, подготовка к полету. Словом, орлята. Ставьте «Орлята». Золотоискатели ⁹ сейчас у Бунина. Наверно, к завтраму прочтет. С моими пометками согласен. Боится, что ремизовщину Вам не выправить. Между прочим, я нахожу ужасным название “Зеленые зовы”. Какая-то провинциальная жантильность. Ни один крупный писатель (Толстой, Достоевский, Гоголь, Бунин, Куприн, Пришвин) – никто такого заглавия не дал бы. Но Вы верите Ремизову, Ваше дело. Вы любите часто красоту, а любить надо красоту, которая часто является в грубой форме ¹⁰.

Следуя советам Тэффи, Пантелеймонов называет свою первую книгу «Зеленый шум», а главу из входящей в нее повести «Молодые глаза» переименовывает в «Орлята».

На вопрос автора, хорошо ли назвать его книгу «Приключения дяди Володи», Тэффи отвечает: «Да, для отдельной книжки это очень хорошо. Но в сборнике рассказов должно остаться «Св<я>тый Влад<имир>» и «Муромка» и все как было» ¹¹. И вновь он прислушивается к мнению Тэффи, давая маленькой книге из двух рассказов («Святой Владимир» и «Муромка») обобщающее название – «Приключения дяди Володи».

Но и авторитетом своего первого учителя Пантелеймонов не может пренебречь. В письме от 31 декабря 1947 г. он советуется с Ремизовым (с осторожной оглядкой на Бунина): «<...> Насчет Кучумова городища – Вы задали мне задачу. Рассказ написать не трудно, но как менять уже объявленное название. Или под

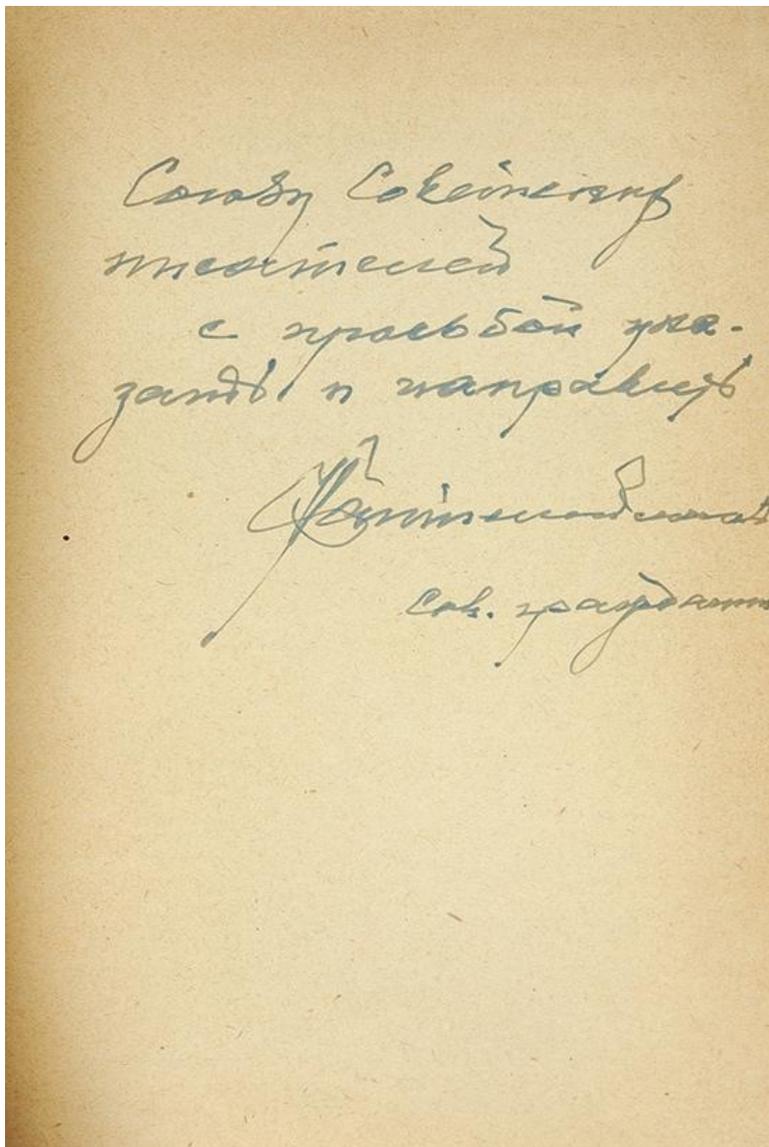
⁸ Письмо от 9 мая (б. г.). Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» при Доме русского зарубежья им. А. И. Солженицына, Москва (далее БФРЗ). Ед. хр. 8.

⁹ Название обнаруженного произведения Пантелеймонова.

¹⁰ БФРЗ. Ед. хр. 17 (без даты).

¹¹ БФРЗ. Ед. хр. 28 (без даты).

Кучумово городище в скобках – “Приключения дяди Володи”. <...> Меня смущает еще Бунин» (т. 3, с. 169).

Шутливый автограф Б. Г. Пантелеймонова на книге «Зеленый шум»: «Союзу Советских писателей с просьбой указать и направить. Б. Пантелеймонов, сов. гражданин». (Провенанс: собрание В. В. Лаврова)
Humorous autograph of B. G. Panteleymonov on the book “Green noise”: “To the Union of Soviet writers with a request to designate and guide. B. Panteleymonov, sov. citizen”. (Provenance: V. V. Lavrov’s collection)

Ремизов сердито ответит 2 января 1948 г., иронизируя над банальностью избранным названием и призывая «молодого писателя» к самостоятельности:

<...> Если хотите что-то сделать, надо быть смелым, а не озираться. На Кучуново городище можно наляпать эту вопиющую истрепанность: Приключение дяди Володи.

Вы на Муфтия все <Великим Муфтием Ремизов называл Бунина. – Е. Т.>, да ведь это и есть образец середины, от которой пыль и песок.

Подумайте, это вроде как Мориак, никакой легенды.

А ведь все живо «живой жизнью» и сказкой.

<...> ОЧХНИТЕСЬ <выделено Ремизовым. – Е. Т.>, или сотрет вас под Минцлова, <...> под Гребенщикова (т. 3, с. 182).

Спустя всего 4 дня Пантелеймонову приходит разгневанное письмо от Бунина. Кажется, будто ведется какой-то нескончаемый спор между двумя сторонами, каждая из которых стремится перетянуть начинающего писателя к себе:

<...> То, что Вам говорил Ремизов, отвратительно глупо. Послали бы Вы его с такими речами раз навсегда «у п<...>у к матери», как говорят сербы! Что ни слово, то пошлейшая х<...>вина! «Прикоснуться к земле... <Выделено Буниным. – Е. Т.> Минцлов, Мережковский, Чернышевский...» Идиотский набор имен, совершенно ни к селу ни к городу... <...> «Сиф, сын Адама»¹² – к чему эти постоянные штучки? И это штучки, – довольно противная, якобы «до-Петровская», «русская» речь. <...> Нарочитая несогласованность падежей – подумаешь, как интересно! Жалкое жульничество. И рассказ скучный. «Палестинское», которое скоро возвращу, прочел с удовольствием. Ведь вот писали же Вы когда-то по-человечески. <...> «Молим вас», как опять-таки сербы говорят, бросьте Вы хоть на время «крутить Янкеля», пристегивать к парикмахерам Сифов, – сядьте *спокойно и надолго* за *спокойное, честное* <выделено Буниным. – Е. Т.>, простое повествование, за большую повесть, положивши в основу ее какую-нибудь часть пережитого Вами в жизни, преобразивши ее вымыслом и всем прочим, что полагается! (Письмо от 6 января 1948 г.) (т. 3, с. 203).

В этой эпистолярной перепалке трех достойных русских писателей трудно не заметить ревниво-любовное отношение к их обретенному другу и подсознательное стремление «отвоевать» его у остальных наставников.

«Оригинальный писатель», «нечто новое и своеобразное», «редкий дар рассказчика», «изумительный русский язык», «беззлобный тонкий юмор» (А. В. Руманов), «изумительный по свежести, выразительности и улыбающейся веселости рассказчик» (Л. Галич) – отзывались о первой книге Пантелеймонова критики. Особо выделяли рецензенты естественность голоса новичка. Георгий Адамович отмечал, что дебютанта отличает «неподдельная, редкая душевная бодрость и какое-то, столь же неподдельное органически доброе отношение ко всему живому. Он действительно и естественно ощущает свою связь с природой и миром и связи этой открыто радуется» (т. 3, с. 365). Особенно приятно было автору, что чуткий критик не усомнился в его искренности: «при сколько-нибудь развитом слухе и чутье невозможно заподозрить Пантелеймонова в притворстве, в бессовестной игре под рубаху парня» (т. 3, с. 328).

¹² Название рассказа Пантелеймонова.

Тэффи резко обрывала поиски предшественников «молодого» автора: «...пусть не ищут отцов. Он действительно ничей. Редко, может быть, никогда не было у начинающего писателя такой собственной, ярко и определенно выраженной личности, как у Пантелеймонова <...> Возьмите двадцать строк из любого его рассказа – описание природы, размышления, диалог – не спутаете ни с кем. <...> Почти вся книга посвящена Сибири. Не новой, не старой, а вечной, с ее лесами, реками, таежными зверями и птицами. Живая Сибирь» (т. 3, с. 270). Кто-то пытался сравнивать Пантелеймонова с Пришвиным. Тэффи протестующе подчеркивала разницу между ними:

Это сходство внешнее. У обоих отличный русский язык, богатый язык, знание природы и любовь к ней. Но у Пришвина, особенно в его последних произведениях, к каждому грибу, к каждой сороке-вороне приклеивается рассуждение от автора. Все время указывает читателю, что он писатель. Всё с оглядкой на себя. Этой ошибки Пантелеймонов не делает. И еще выгодно отличает его от Пришвина чудесный мягкий юмор, не тот, от которого “надрывают животики”, а вызывающий ясную улыбку. Это писатель целомудренный, чистый. Он видит жизнь, как юноша в его рассказе “Молодые глаза”, не грубой, а немножко фантастической, порою забавной и всегда милой, с заповедным секретом, который открывает он ключом любви ко всякой живой твари и ко всему созданию земному. Для него всякая жизнь необычайна. Он, как мальчик из его рассказа, «с детства и навеки поражен чудом мироздания»¹³ (т. 3, с. 270).

Молодые глаза – ключевые слова для понимания пантелеймоновского письма. Первые читатели его произведений не могли поверить, что дебютанту под шестьдесят, настолько по-юношески искренен, чист и легок был его слог, не замутненный наслоениями назидательной и скучной взрослой мудрости. Удивительно, как человек, на долю которого выпало столько жизненных передряг, смог сохранить в себе это детское доверие и ласковость к миру. А в придачу неизменную веселость, самоиронию, любовное понимание зверя, птицы, вообще всякого живого существа. Это был пантеист, обожающий природу родной Сибири. «В Сибири охотники-туземцы называют всех зверей “люди”. Все мы люди – и я, и мышь, и кролики», – говорил Пантелеймонов (т. 2, с. 353). И это очень напоминало отношение к миру Тэффи, в лице которой он неслучайно обрел не только наставника в литературном мастерстве, но и близкого, понимающего друга.

Тэффи всегда занимали отношения человека и зверя. «Не все ли равно, кто является объектом любви», – утверждала она в своей лекции «О единстве любви» и приводила слова одного из подвижников веры: «Когда я начинал молиться сердцем, все представлялось мне в восхитительном виде: деревья, травы, птицы, и я понял, что называется “видением словес твари”, и я увидел способ, по коему можно разговаривать с творениями Божиими <...> Так души звериные и души растений открыты прозревшим» [Тэффи, 2000, с. 357–358].

У Пантелеймонова дома жила обожаемая им маленькая обезьянка Васька, по поводу которой Бунин однажды написал ему: «Васькой, Вашими чувствами к нему Вы наконец меня очень пронзили, эти чувства большое доказательство, что

---

¹³ Подробнее об участии Тэффи в судьбе публикации повести Пантелеймонова «Молодые глаза» в журнале «Новоселье» (1947, № 33–34) см.: [Трубилова, 2012].

Вы, кажется, и впрямь очень хороший человек, сердечный, поэт, каковым и должен быть, непременно должен быть писатель» (т. 3, с. 206).

«Молодые глаза видят во всех доброе и во всем чудесное, как сказка», – замечала Тэффи. Даже тюрьма у Пантелеймонова «описывается так любовно и ласково, что иному читателю завидно станет – вот бы посидеть так хоть годик <...>» (т. 3, 272–273).

Пантелеймонов – писатель по-сибирски прозрачного экономного слова, расходуя слова бережно, как охотник-чалдон в тайге патроны и спички. Как охотник, он зорко видит мир вокруг себя в ослепительной яркости. Его трудно пересказывать, фабула мало прояснит притягательность его прозы. Новизна и свежесть пантелеймоновского мира, которым восторгались критики и собратья по перу, не в том, *что* он описывал, а в том, *как* он описывал.

В «Заметках о стиле Пантелеймонова» П. М. Бицилли отмечал:

<...> все его вещи проникнуты одним мотивом – тем самым, что гениально сформулировано Тютчевым: «Всё во мне, и я во всем». Причем если у Тютчева это вызывает «тоску невыразимую», то у Пантелеймонова, напротив, – *примирение* с действительностью, жизнерадостность, сознание реальности добра и красоты. Этому содержанию соответствует и форма у Пантелеймонова.

Экономия слов, эллипсисы, намеренное нарушение времен – бывает, соединение в одном предложении всех трех, постоянные переходы-скачки – от того, что герой видит, к тому, что он чувствует. Казалось бы, нарушено всё что только можно в грамматике. А все вместе сливается в гармоничную картину (т. 3, с. 280).

Вот почему сегодня как нельзя актуальнее прозвучат слова Георгия Адамовича о сборнике Пантелеймонова «Зеленый шум»: «Книга должна прийти по душе всем, кто утомлен или раздражен безвыходно-трагической суетой наших дней: заботами, тревогами, сомнениями, опасениями, обступившими нас со всех сторон...» [Адамович, 1947].

Собственно, этот завет критика можно отнести ко всему творчеству Бориса Григорьевича Пантелеймонова.

Список литературы

Адамович Г. Литературные заметки: Борис Пантелеймонов. Зеленый шум; Н. А. Карлинская. Обзор русской литературы // Русские новости (Париж). 1947. № 113, 1 авг. С. 4.

Бунин И. А. Собр. соч.: В 8 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1999. Т. 6. 654 с.

Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; подгот. текстов и коммент. С. Н. Морозова, Л. Г. Голубевой, И. А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 767 с.

Латин Б., Хацревин З. Беспокойный день Сирии // День мира / Под ред. М. Горького, М. Кольцова. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. С. 344–348.

Мазурова А. «Зеленый шум». Размышления о книге Бориса Пантелеймонова // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1947. № 12960, 19 окт. С. 8.

Махнанова И. Лучившийся жизнью. Борис Пантелеймонов: дополняя образ // Сибирские огни. 2017. № 7. С. 174–187.

Пантелеймонов Б. Г. Приключения дяди Володи / [Сост., вступ. ст. и подгот. текстов С. С. Никоненко]. М.: Русская книга, 1992. 365 с.

Пантелеймонов Б. Г. Собр. соч.: В 3 т. / Гл. ред. Н. Н. Мисюров; изд. подгот. И. А. Махнанова, В. И. Селюк. Омск: Мин-во культуры Омской области, 2013–2014. Т. 1: Рассказы; Повесть «Маклаево братство». 463 с.; Т. 2: Повести и рассказы. 429 с.; Т. 3: Публицистика. Неопубликованное. Письма. Рецензии на произведения Б. Г. Пантелеймонова. Воспоминания, статьи о его жизни и творчестве. 430 с.

Трубилова Е. М. Об отношениях автора и редактора: вокруг повести Б. Пантелеймонова «Молодые глаза» // Текстологический временник: Русская литература XX век: Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Кн. 2. С. 507–514.

Тэффи. О единстве любви (Из беседы в «Зеленой Лампе») // Тэффи. Печальное вино: Рассказы, фельетоны, воспоминания. Воронеж: Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2000. С. 354–360.

References

Adamovich G. Literaturnye zametki: Boris Panteleymonov. Zelenyy shum; N. A. Karlinskaya. Obzor russkoy literatury. *Russkie novosti [Russian News]* (Paris), 1947, no. 113, August 1, p. 4. (in Russ.)

Bunin I. A. Pis'ma 1885–1904 godov [Letters, 1885–1904]. Ed. by O. N. Mikhailov; prep. and comment. by S. N. Morozov, L. G. Golubeva, I. A. Kostomarova. Moscow, IMLI RAN, 2003, 767 p. (in Russ.)

Bunin I. A. Collected works]. In 8 vols. Comp., prep. and comment. by A. K. Baboreko. Moscow, Moskovskii rabochii, 1999, vol. 3, 654 p. (in Russ.)

Lapin B., Khatsrevin Z. Bepokoinyi den' Sirii. In: Den' mira [Day of The World]. Eds. M. Gorky, M. Koltsov. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie, 1937, p. 344–348. (in Russ.)

Makhnanova I. Luchivshiiysya zhizn'yu. Boris Panteleymonov: dopolnyaya obraz. *Sibirskie ogni [Siberian Lights]*, 2017, no. 7, p. 174–187. (in Russ.)

Mazurova A. "Zelenyy shum". Razmyshleniya o knige Borisa Panteleymonova. *Novoe russkoe slovo* (New York), 1947, no. 12960, October 19, p. 8. (in Russ.)

Panteleymonov B. G. Collected works. In 3 vols. Ed. by N. N. Misyurov; prep. by I. A. Makhnanova, V. I. Selyuk. Omsk, Ministry of Culture in Omsk Region Publ., 2013–2014, vol. 1, 463 p.; vol. 2, 429 p.; vol. 3, 430 p. (in Russ.)

Panteleymonov B. G. Priklyucheniya dyadi Volodi [The Adventures of Uncle Volodya]. [Comp., intr. and prep. by S. S. Niconenko]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1992, 365 p. (in Russ.)

Teffi. O edinstve lyubvi (Iz besedy v "Zelenoy Lampe"). In: Tjeffi. Pechal'noe vino: Rasskazy, fel'etony, vospominaniya [Sad Wine: Stories, Feuilletons, Memories]. Voronezh, E. A. Bolkhovitinov Publ., 2000, p. 354–360. (in Russ.)

Trubilova E. M. Ob otnosheniyakh avtora i redaktora: vokrug povesti B. Panteleymonova "Molodye glaza". In: *Tekstologicheskii vremennik: Russkaya literatura XX vek: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniya* [Textological timebook: Russian literature 20th century: Questions of textual criticism and source study]. Moscow, IMLI RAN, 2012, book 2, p. 507–514. (in Russ.)

Трубилова Е. М. Б. Г. Пантелеймонов и его литературные учителя

Сведения об авторе

Трубилова Елена Максимовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия)

info@imli.ru

Information about the Author

Elena M. Trubilova – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Department of the Newest Russian Literature and Russian Émigré Literature, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

info@imli.ru

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 2